

НИЗШИЙ КЛАСС В СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Н. Е. ТИХОНОВА

ТИХОНОВА Наталья Евгеньевна - доктор социологических наук, зам. директора Института социологии РАН, профессор ГУ-ВШЭ (E-mail: netichon@mtu-net.ru).

Аннотация. В статье* в рамках ресурсного подхода, являющегося разновидностью неомарксизма, анализируется завершающая фаза формирования социальной структуры российского общества, выявляется численность основных классов (среднего, рабочего и низшего), их ключевые особенности. Особое внимание в ней уделено специфике ресурсов низшего класса, показано, что в России уже началось его самовоспроизводство, в его составе завершает формирование и ранее отсутствовавший в российском обществе андеркласс. Продемонстрировано, что зона формирования низшего класса - прежде всего, малые города и села. Средний класс сосредоточен в крупных городах, а рабочий класс равномерно распределен по всем типам населенных пунктов.

Ключевые слова: низший класс * андеркласс * бедность * малообеспеченность * стратификация * классы * социальная структура * гендер

К настоящему времени практически завершился период "транзита", который в течение более чем двадцати лет переживало в связи с реализовывавшимися в нем масштабными реформами российское общество. Завершается и процесс формирования его новой социальной структуры, модель которой будет оказывать влияние не только на стабильность, но и конкурентоспособность России на международной арене. Краеугольным вопросом при оценке, характера этого влияния является вопрос о типе складывающейся сегодня в России социальной структуры. Диапазон оценок его варьируется от аналога латиноамериканской модели до общества массового среднего класса. Однако для того, чтобы реалистично определить тип складывающейся в России социальной структуры, необходимо прежде всего оценить численность такого отсутствовавшего в массовом масштабе в советском обществе элемента этой структуры как низший класс, определить специфику его состава, понять причины попадания в него.

Особая актуальность исследования процесса формирования низшего класса, его особенностей по сравнению с другими классами российского общества и оценки его перспектив именно в настоящий момент связана также с тем, что на фоне роста в 2000 - 2008 гг. текущих доходов населения произошло не только заметное сокращение численности бедных слоев, но и изменение профиля бедности, уход из состава бедных значительной части так называемых "новых бедных". Серьезные изменения

---

* Статья подготовлена в рамках работы по исследовательскому проекту N 09 - 03 - 00538a ("Формирование низших классов в России: состояние и перспективы"), выполняемому при поддержке РГНФ.

произошли и с самой массовой социальной группой российского общества - малообеспеченными [Тихонова, 2009, 2010; Российская повседневность, 2009]. Межслоевая миграция, в ходе которой часть бывших бедных перешла в состав малообеспеченных, а бывших малообеспеченных - в состав средних слоев, породила качественно новую ситуацию, наиболее характерной особенностью которой является утрата принадлежности к бедным или малообеспеченным статуса временности, ситуационности. Относительно большую роль постепенно начали играть и факторы, объективно предопределяющие в условиях рыночной экономики принадлежность к низшему классу. В результате бедность и малообеспеченность все больше превращаются в современной России в результат принадлежности к определенным классам, формирование которых уже близко к своему завершению. Проверку на устойчивость все сложившиеся тенденции получили в ходе экономического кризиса 2008 - 2009 годов, причем в этот период они проявились еще ярче [Мареева, 2011].

Вот почему именно сейчас стало возможно с достаточной уверенностью говорить о том, к какому типу относится структура российского общества и каковы ее наиболее характерные особенности. При этом стоит отметить, что вопрос о формировании в России классовой структуры как ведущей модели социальной структуры в целом до сих пор остается дискуссионным, и даже среди ведущих российских специалистов по нему нет однозначного мнения¹. Отчасти с ними можно согласиться. В то же время зависимость положения в обществе, жизненных шансов, моделей социального действия и места в системе отношений эксплуатации от рыночных позиций индивидов прослеживается уже достаточно отчетливо [Тихонова, 2007; Тихонова, 2008; Н. Е. Тихонова, С. В. Мареева, 2009]. А следовательно, вполне правомерна и постановка вопроса о возникновении в России классовой структуры общества, включая и низший класс, а не просто о "стратификации по доходам".

Однако прежде чем анализировать эту структуру в целом и особенности низшего класса как ее элемента, в частности, следует напомнить, что же такое вообще "класс". В структурно-функциональном подходе, в рамках которого будет вестись далее анализ, под классами обычно подразумеваются группы индивидов, занимающих более или менее однородные структурные позиции, определяемые спецификой находящихся в их распоряжении активов (прежде всего таких как собственность, власть и квалификационный ресурс). Именно разницей активов, находящихся в собственности или распоряжении индивидов, объясняется и специфика их рыночных возможностей в обменно-договорных отношениях, в которые они вступают как агенты производства. Соответственно видам этих активов сегодня обычно выделяют: (1) класс собственников традиционных экономических ресурсов; (2) класс, располагающий собственностью на такие инкорпорированные виды капитала как человеческий (образование, квалификация, навыки) и культурный капитал; (3) класс, обладающий простой физической способностью к труду с человеческим капиталом, не превышающим средний для данного общества уровень. Первые - это класс капиталистов или в стратификационных классовых концепциях высший (верхний) класс, включая верхний средний класс. Вторые - традиционный средний класс, включая ту часть высококвалифицированных рабочих и техников, которые обладают уникальными для представителей физического труда навыками и квалификацией, что позволяет им получать доходы и на эти виды своих активов. Третьи - это традиционный рабочий класс. Разумеется, описанная выше общая схема у каждого автора имеет свои особенности, влияющие на методику выделения ими классов. Однако, если посмотреть на получившие широкую известность классовые схемы многих известных авторов [Bourdieu, 1983; Gilbert, 2002; Goldthorpe, A. McKnight, 2003; Coleman, Rainwater, 2002; Wright, 2000] через призму ресурсного подхода к стратификации², то картина выглядит именно так. При этом, однако, не вполне очевидными в теоретическом плане выглядят основания для выделения как самостоятельного элемента социальной структуры низшего класса, который в ряде этих концепций (прежде всего, у американских авторов) обычно все же присутствует.

В этой связи стоит отметить, что активный интерес социологов к низшему классу возник в 60-х годах прошлого века³. Именно в это время быстрого экономическо-

го роста в наиболее развитых странах как никогда ранее остро встал вопрос о причинах сохранения, а в отдельные периоды и нарастания в них бедности, все более глубокого отрыва части бедных от остального населения не только по уровню, но и по образу жизни. Тем самым, перед социологической наукой оказались поставлены практически одновременно сразу два вопроса: о причинах массовой бедности в процветающих обществах и о наличии в составе бедных особой социальной группы, характеризующейся специфическим образом жизни и ценностями. Практически с начала интереса к этим проблемам четко сформировались и два основных направления трактовки причин наличия массовой бедности: как результата особого отношения к жизни (пресловутой "культуры бедности", характерными особенностями которой являются пассивность, распространенных иждивенческих настроений и т.д.), и как результата нахождения человека на определенной структурной позиции. В последнем случае предполагается, что не так важно, каковы особенности самих бедных - ведь если в обществе есть лишь определенное число структурных позиций, обеспечивающих достаточный для поддержания являющегося нормой для данного сообщества уровня жизни, то все, кто не сумеет попасть на эти позиции (а это могут быть и 10, и 40% населения), неизбежно окажутся в зоне бедности. Те, кто *устойчиво* занимают неблагоприятные структурные позиции, рассматриваются в рамках этого подхода как представители низшего класса, которые либо нужны обществу как работники лишь эпизодически ("резервная армия труда"), либо не нужны вообще и являются "лишними людьми"⁴. В последнем случае они действительно выступают носителями особого типа культуры. В случае, если это состояние передается из поколения в поколение, они проходят первичную социализацию уже в рамках этой культуры, что дополнительно затрудняет для них выход из состояния бедности даже в случае позитивных сдвигов в структуре общества и роста в ней доли обеспечивающих благополучный уровень жизни позиций. Если же они являются выходцами из относительно благополучных слоев и в силу разного рода обстоятельств уже взрослыми попали в состав низшего класса, то они маргинализируются и люмпенизируются, причем в России этот период маргинализации составляет обычно 5 - 7 лет [Тихонова, 2003].

Представители той группы исследователей, которые в своем анализе причин наличия массовой бедности даже в благополучных обществах тяготеют к выделению в качестве таковых прежде всего жизненных установок бедных, сосредотачиваются, естественно, в первую очередь на рассмотрении характерных для бедных ценностей и поведенческих практик, и выделяют в их составе по этому критерию не менее двух подгрупп - собственно бедных и "андеркласс", в котором происходит изменение многих характерных для "обычных" бедных особенностей отношения к себе и к жизни (особые условия проживания (гетто), распад института традиционной семьи, алкоголизм и т.п.). При этом, если бедные рассматриваются ими в рамках построения единой модели вертикальной стратификации общества, то они попадают в состав низшего класса (или низших классов), в котором в этом случае выделяются два самостоятельных подкласса (класса), одним из которых и выступает андеркласс [Gilbert, Kahl, 1982]. Те же ученые, которые при анализе причин формирования низшего класса делают акцент на структурные ограничения, рассматривают прежде всего различия в позициях его представителей в системе производственных отношений (наличие/отсутствие занятости), и также выделяют по этому критерию в составе низшего класса (классов) два подкласса (класса). При этом у некоторых авторов это основание для выделения двух низших классов сопровождается введением дополнительных критериев, связанных с образом жизни, и тогда один из этих низших классов тоже характеризуется как "социальное дно", андеркласс [Goleman, Rainwater, 1978]; подробнее об истории и логике изучения низшего класса см.: [Тихонова. 2010]. Однако при любом подходе в составе низшего класса оказывались, как видим, люди, которые в силу специфики тех ресурсов, которыми они располагают или, точнее, не располагают, либо вообще не представляют для экономики интереса как работники, либо могут найти себе работу лишь на вторичном рынке труда (теневая, временная и т.п. занятость), что отражается как на размере, так и на стабильности их доходов, а также на том объеме социальных гарантий, который оказывается для них доступен.

Если говорить о России, то, судя по имеющимся социологическим данным [Тихонова, 2010; Мареева, 2011], низший класс в ней уже возник и его формирование активно продолжается. В основе этого лежит ряд объективных явлений. Произошедшие за последние два десятилетия серьезные изменения как в сфере занятости (деиндустриализация и рост вторичного рынка труда [Гимпельсон, Капелюшников, 2005; сайт ФСГС РФ]), так и социальной дифференциации (резкое ее углубление и быстрый рост числа бедных, а также все более сближающихся с ними по качественным особенностям их положения малообеспеченных) предопределили появление в российском обществе в массовом масштабе структурных позиций, характерных именно для низшего класса и отсутствовавших в советский период развития страны. Заняли эти позиции прежде всего представители тех групп населения, которые характеризовались наименьшей ресурсообеспеченностью. Это привело к тому, что часть нынешнего низшего класса оказалась выходцами из "старых", "советских" бедных. Однако позиций этих в новой структуре общества оказалось гораздо больше, чем их было в советское время. В итоге в зоне формирования низшего класса появилось значительное число людей, которые ранее относились к вполне благополучным слоям населения, и чье появление на соответствующих структурных позициях обусловлено негативными тенденциями в социально-экономическом развитии страны двух последних десятилетий.

Какова же численность тех, кто находится сегодня в зоне формирования низшего класса? Насколько велико уже сформировавшееся ядро последнего? Наконец, в чем заключаются наиболее специфические особенности российского низшего класса? Чтобы ответить на эти вопросы, обратимся к данным общероссийского исследования Института социологии РАН "Российская повседневность в условиях кризиса: взгляд социологов", проведенного в феврале 2009 г. Его выборка составляла 1750 человек и репрезентировала население страны по региону, типу поселения, полу и возрасту. В этом массиве была выделена группа, представители которой могут являться потенциальной основой для формирования низшего класса современного российского общества - т.е. тех, кто не может предложить на рынке что-то отличное от простой физической способности к труду и занимает не предполагающие высокой квалификации профессиональные позиции (работники физического труда низкой и средней квалификации, рядовые работники сферы торговли и сферы услуг, технические служащие, а также безработные, которые находятся на рынке труда, но этот рынок не предъявляет на них спроса)⁵. В качестве дополнительного фильтра было избрано наличие образования не выше среднего специального, которое является в современной России медианным для работающих. Кроме того, учитывался и такой неотъемлемый атрибут низшего класса как низкий уровень жизни. Соответственно, к зоне формирования низшего класса были отнесены только те, кто имел среднемесячные душевые доходы в семье на уровне ниже медианного для страны. Как видим, каждый из критериев был задан в достаточно мягкой форме, и сам по себе о принадлежности к низшему классу свидетельствовать не мог. Тем не менее, применение одновременно трех этих критериев позволяло выделить группу, для которой риски попадания в низший класс оказываются весьма велики. В российском обществе эта зона формирования низшего класса оказалась достаточно велика - около четверти всего экономически активного населения страны (см. рис. 1).

Как видим, *экономически активное население России разделено сегодня на четыре практически равные части*. При этом очень значительная численность группы тех, кто находится на маргинальных позициях, свидетельствует о том, что процесс формирования классовой структуры в российском обществе пока еще не завершен; уровень доходов, профессиональные позиции и те активы, которые находятся в распоряжении работников, далеко не всегда соотносятся в России между собой так, как это присуще, западным обществам с более конкурентной рыночной экономикой (рассогласованность статусов); в России даже для работающего населения огромную роль в определении масштабов социальных неравенств играют неравенства внеклассового характера, связанные прежде всего с регионом проживания, отраслью занятости, типом населенного пункта и т.п. Тем не менее, четкая идентификация классов-

Рис. 1. Типы социальных позиций, занимаемых экономически активным населением России (%)⁶

вых позиций практически трех четвертей экономически активного населения страны говорит о применимости классовой модели анализа социальной структуры и в современной России.

Для того чтобы глубже понять те непростые процессы, которые приводят человека к попаданию на микроуровне в тот или иной класс российского общества, была проведена проверка статистической связи принадлежности к четырем выделенным группам и всех переменных массива данных. Как показал проведенный анализ, статистически значимыми (p -value менее 0,05, хи-квадрат 0,0000) связями с принадлежностью к выделенным классам характеризовались многие переменные. Эти переменные четко объединялись, однако, в три большие группы. Одна из них связана с особенностями профессиональной деятельности респондентов, другая - их ресурсообеспеченности, третья - уровнем и образом жизни (см. табл. 1). Кроме того, по несколько переменных относились к особенностям ощущения респондентами своего статуса в обществе, их оценкам ситуации в стране или же к особенностям населенного пункта, в котором они проживали. Последнее косвенно свидетельствовало о ситуации на локальных рынках труда, предоставляющих разные возможности для получения соответствующих рента на те активы, которыми располагает работник, и играло исключительно значимую роль для вероятности попасть в тот или иной класс в силу связи профессиональной и социальной структуры соответствующих населенных пунктов в целом (см. рис. 2).

Как видно, *зона формирования низшего класса - это прежде всего средние и малые города, а также села.* Именно в таких типах поселений проживает 80% тех, кто является потенциальным кандидатом в низший класс или его реальным членом, причем половина их (40%) проживает в сельской местности. Тенденция концентрации низшего класса в небольших городах и сельской местности сохраняется даже при учете различий в профессиональной структуре разных типов поселений. Концентрация российских "низов" преимущественно вне поля зрения центральной власти, "в глубинке", мешает своевременно осознать масштаб этой проблемы и предпринять меры, препятствующие ускоренному формированию в российском обществе нового элемента его социальной структуры - низшего класса. Средний класс характеризуется при этом тенденцией сосредоточения его в крупных и, особенно, очень крупных городах - 58% представителей среднего класса проживает в городах с численностью от 250 тысяч человек, а свыше трети российского среднего класса - жители мегаполисов. В отличие от ситуации с низшим и средним классами, рабочий класс страны распределен по всем типам населенных пунктов пропорционально доле их жителей в составе экономически активного населения России. Столь же пропорционально распределены по разным типам населенных пунктов и маргинальные позиции.

Таким образом, социальная структура разных типов населенных пунктов имеет весьма существенные отличия, что не может не сказываться на общей ситуации в них. Так, например, если в селах лишь 16% населения могут быть отнесены к среднему классу (при 41% в мегаполисах), и 35% - это зона формирования низшего класса (при 10% в мегаполисах), то *и поведенческие, и мировоззренческие стандарты в сельских сообществах начинают тяготеть к стандартам, характерным именно для низше-*

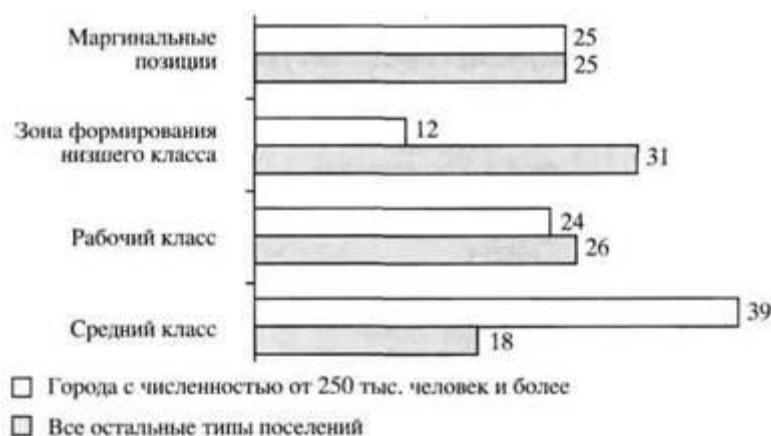
Таблица 1

Переменные, характеризующиеся наибольшей связью с принадлежностью к основным классам российского общества

Особенности профессиональной деятельности	Особенности ресурсообеспеченности	Особенности уровня и образа жизни
<p>Занятость в том или ином секторе экономики Самооценки работы возможность заниматься любимым делом возможность самореализации в профессии возможность сделать карьеру возможность проявлять на рабочем месте инициативу самооценка престижности работы и ее "интересности" ресурс влияния на работе степень автономности труда не нравится в работе, что она физически тяжелая или грязная общая самооценка ситуации на работе Трудовые мотивации восприятие своей работы как способа самореализации Устойчивость занятости и социальные гарантии влияние кризиса на возможность зарабатывать доход в кризис сократился из-за трудностей предприятия, где работает самооценка ущерба от экономического кризиса оценка вероятности безработицы в ближайший год страх остаться без работы работодатель оплачивает/не оплачивает больничный лист и отпуск в предусмотренных законом размерах</p>	<p>Квалификационный ресурс считают, что им удалось получить хорошее образование владение навыками использования информационных технологий Социальный ресурс уровень образования ближайшего друга вовлеченность в различные формы взаимопомощи в социальных сетях Культурный ресурс образование мужа/жены образование отца и матери первичная социализация в условиях городской или сельской культуры Физиологический ресурс пол Экономический ресурс наличие сбережений размер сбережений Доступ к значимым ресурсам самооценка возможностей получения необходимых знаний и навыков удалось за 3 года повысить уровень образования или квалификации повышают квалификацию во время досуга</p>	<p>Особенности благосостояния наличие компьютера, цифровой техники, автомобиля-иномарки, мебельного гарнитура, мелкой кухонной техники, стиральной машины, электроинструмента, пылесоса, холодильника, мобильного телефона самооценки материального положения, возможностей приобрести необходимую одежду, побывать в разных странах мира, отдыха во время отпуска, жить не хуже других, качества питания, жизни в целом наличие успехов в наиболее значимых сферах жизни, использование платных социальных услуг за последние 3 года средства на необходимую медицинскую помощь всегда находились Жилищная ситуация тип жилья наличие в жилье коммунальных удобств самооценка жилищных условий Устойчивость уровня благосостояния под влиянием кризиса изменились возможности покупать одежду и обувь, отдыхать, а также качество питания динамика жизненных перспектив в кризис динамики положения на ближайший год динамика улучшения материального положения за последние 3 года Специфика межличностных отношений и социального самочувствия самооценка отношений в семье</p>

материальные трудности как причина конфликтов в семье, наличие и число живущих за чертой бедности среди ближайшего окружения, настроение, с которым встретились в год чувства страха за своих близких, несправедливости от всего происходящего вокруг, стыда за нынешнее состояние страны, того, что так дальше жить нельзя.

Специфика досуга: общение идет преимущественно в устоявшемся кругу старых друзей и знакомых, самооценка возможностей проведения досуга: посещение театров, концертов, музеев и т.п., чтение газет и журналов.

Рис. 2. Типы социальных позиций экономически активного населения разных поселений (%)

го класса, в то время как в мегаполисах на общие стандарты поведения и унастроенный их жителей очень сильное влияние оказывает средний класс. Это не может, наряду с объективной разницей моделей экономического развития этих поселений, не предопределять дальнейшей эволюции социальной, экономической и даже политической ситуации в них.

Рассмотрим теперь основные особенности различных классов, связанные с их профессиональной деятельностью, ресурсообеспеченностью, а также уровнем и образом жизни (см. табл. 1). Как видим, основные классы российского общества характеризуются весьма существенной разницей занимаемых ими структурных позиций. Так, лишь 17% находящихся в зоне формирования низшего класса (при 26% у рабочего и 59% у среднего) имеют работу, которую они считают интересной, 17, 25 и 65% соответственно способны оказать влияние на принятие решений хотя бы в масштабах своего подразделения. Заметно различается у них и степень автономности труда, которая, вкуче с ресурсом влияния, является косвенным свидетельством степени отчужденности труда. Доходы также различаются в этих группах весьма заметно (см. табл. 2). Та же тенденция сохраняется и при нивелировании поселенческих различий в составе разных классов.

Более того, рабочие места тех, кто находится в зоне формирования низшего класса, не только худшего качества в плане содержания труда, степени его отчужденности или уровня оплаты. Они гораздо менее стабильны и в меньшей степени обеспечивают занимающим их социальную защищенность и в этом плане полностью соответствуют особенностям занятости представителей низшего класса в США, Великобритании и т.п. Так, как весьма вероятную возможность остаться в ближайший год без работы расценивают лишь 22% представителей среднего класса, 43% рабочего и большинство (60%) потенциальных или реальных представителей низшего класса. Это отражает риски, которым подвергаются их представители - среди них в 3,5 раза выше, чем в среднем классе, и в 2 раза выше, чем в рабочем классе, доля тех, кто имеет опыт длительной (свыше 3-х месяцев в течение последнего года) безработицы. Здесь, несомненно, сказался экономический кризис (74% их при 59% в рабочем и 39% в среднем классах отметили, что в кризис возможность зарабатывать для них ухудшилась), который проявил зоны наибольших рисков в российском обществе. Именно потенциальные представители низшего класса в первую очередь страдают и от несоблюдения российского законодательства - почти 40% их не получают оплату больничного и отпуска (либо вообще, либо в предусмотренных законодательством размерах). Более 20% не получают своевременно зарплату, свыше четверти работают по 50 и более часов в неделю. Отчасти это, видимо, связано с тем, что большинство их них (56% при

Таблица 2

Индивидуальные и среднедушевые доходы представителей различных классов российского общества

Группы	Доходы	
	Индивидуальные	Среднедушевые (в домохозяйстве)
	<i>Медианные</i>	
Средний класс	15000	10000
Рабочий класс	12000	8000
Зона формирования низшего класса	6350	4000
Маргинальные позиции	9000	6000
	<i>Средние</i>	
Средний класс	16590	12980
Рабочий класс	13986	9793
Зона формирования низшего класса	7130	4175
Маргинальные позиции	10334	7623

32% в среднем и 46% в рабочих классах) работают на вновь возникших предприятиях частного сектора, а не на государственных или приватизированных предприятиях - не случайно по работающим на частных предприятиях доля не получающих предусмотренных законодательством социальных гарантий в составе формирующегося низшего класса вдвое выше, чем по остальным его членам.

При этом рассчитывать на то, что при их гораздо более низкой, чем в других классах, ресурсообеспеченности⁸, люди, оказавшиеся в зоне формирования низшего класса, смогут самостоятельно преодолеть те внешние, структурные ограничения, с которыми они столкнулись, не приходится. Дополнительно усложняет эту ситуацию тот факт, что большинство (59%) представителей формирующегося низшего класса - женщины. Такой гендерный состав, с одной стороны, сближает российский низший класс и низший класс в США, Великобритании и др., также имеющий "женское лицо". С другой стороны, оказываются похожи по своему гендерному составу два завершающих свое формирование новых класса российского общества - низший и средний, также примерно на 60% состоящий из женщин. В то же время такой гендерный состав качественно отличает ситуацию с низшим классом, две трети которого составляют рабочие, от ситуации в рабочем классе практически на 80% состоящем из мужчин.

Таким образом, *гендерная дискриминация накладывается в современной России на поселенческие неравенства и качественные различия тех или иных групп в их ресурсообеспеченности*. В итоге наименее благоприятные позиции рабочих, сосредоточенных в основном в "малой" России, оказываются заняты преимущественно женщинами из низкоресурсных групп, а наиболее благоприятные - мужчинами, что с учетом специфики этих позиций означает принадлежность к разным классам. Для квалифицированного нефизического труда картина иная, и хотя неравенство между полами существует и здесь (сказываясь на доходах или карьерных перспективах), но уже не предопределяет классовой принадлежности. Тем самым от все углубляющейся социальной дифференциации российского общества страдают прежде всего сельские женщины и жительницы "малой России", ранее традиционно выступавшие хранительницами национальной народной культуры, а ныне быстро люмпенизирующиеся. Не менее важно и то, что две трети женщин в зоне формирования низшего класса имеют в составе своих домохозяйств несовершеннолетних детей (для сравнения - в составе среднего класса таковых менее половины). При этом около 60% их растят детей в условиях отсутствия полноценной семьи (гражданский брак, разведены, матери-одиночки и т.п.); в среднем классе аналогичный показатель составляет всего около четверти. А это значит, что *в России уже началось самовоспроизводство низшего класса по многократно описанной в западной социологической литературе модели, и факторы микроуровня, включая социализацию в условиях характерной для*

низшего класса культуры с присущей ей люмпенизованностью, создают дополнительные риски роста низшего класса.

Что же заставило нас, при такой отчетливой специфике места представителей рассматриваемой группы в системе производственных отношений, особенностей ресурсообеспеченности и гендерном составе, в центр внимания данной статьи поставить все же не низший класс в его нынешнем виде, а особенности людей, относящихся к зоне его формирования? Отнюдь не тот факт, что низшего класса как реальности в российском обществе нет - низший класс в российском обществе уже существует. При этом его *ядро*, состоящее из людей, которые при использовании разных методик расчетов и оценок⁹, оказываются в составе низшего класса, насчитывает 7% экономически активного населения. Граница, за которой заканчивается зона формирования низшего класса, "отсекает" около четверти экономически активного населения. Где именно в этом промежутке находится та черта, где заканчивается собственно низший класс и начинается его периферия - вопрос непростой и может решаться по-разному. На наш взгляд, в настоящее время *низший класс примерно вдвое больше своего ядра и насчитывает (без учета божжей и т.п. категорий) примерно 14 - 15% экономически активного населения страны.*

Ядро низшего класса, этот класс в целом и люди, находящиеся в зоне его продолжающегося формирования характеризуются одними и теми же особенностями, хотя и выраженными с разной степенью интенсивности. Так, например, для ядра низшего класса характерны не только более низкий, даже по отношению к низшему классу в целом, уровень доходов (примерно на 15 - 20%) и жизни в целом, но и еще большая доля женщин в его составе, более низкий уровень человеческого и культурного капитала, большая доля разнорабочих и безработных, более тяжелое психологическое состояние (свыше половины его живут практически с постоянным чувством несправедливости происходящего и, одновременно, беспомощности, почти половина постоянно испытывает чувство, что так жить нельзя, 56% - страх за себя и своих близких и т.п.). Сказываются на такой ситуации, конечно, и последствия кризиса - у трех четвертей в ядре низшего класса кризис повлек за собой ухудшение возможностей для заработков и жизненных перспектив в целом.

Однако и в этом случае кризис скорее острее проявил уже и до него существовавшие проблемы, чем их создал. Во всяком случае, ряд особенностей положения и поведенческих практик *ядра* низшего класса позволяет говорить о том, что на его базе на наших глазах возникает российский аналог американского *андеркласса*. Во-первых, это жилищные условия его представителей: около 40% их не имеют отдельного жилья, проживая в общежитиях, снимая "углы" и т.п. (и это при том, что почти половина их проживает в селах). Столько же имеет не более 12 кв. м общей площади на человека; жилье свыше половины его представителей не имеет традиционного набора коммунальных удобств и т.д. Во-вторых, это очень низкие, по сравнению с другими группами, показатели брачности (42% состоящих в браке при 67% у не входящих в состав низшего класса), и, напротив, заметно более высокие показатели конфликтов из-за проблем с алкоголизмом и наркоманией в их семьях. В-третьих, это очень высокая доля в нем разнорабочих, в том числе в сфере торговли, причем лишенных всяких социальных гарантий. В-четвертых, это распространенность в ядре низшего класса длительной безработицы, убежденность 90% их в том, что и в предстоящем году они столкнутся с безработицей и т.д.

Этот список можно было бы продолжать и дальше, однако понятно - *в российском обществе уже не просто существует низший класс, но и завершается формирование андеркласса*, который можно рассматривать либо как самостоятельный класс в составе низших классов, либо как особую подгруппу низшего класса (что, видимо, применительно к российским условиям все-таки точнее). Однако не менее опасен по своим последствиям для перспектив России в глобализирующемся мире также *возможный в ближайшие годы заметный рост численности низшего класса.* Этому будет способствовать и изменение ситуации в российской и мировой экономике после кризиса (включая изменения в системе взаимоотношений между работниками и работодателями, впервые почувствовавшими себя в кризис полными, хозяевами положения), и

высокая доля низкоресурсного населения в составе россиян, и пространственная локализация представителей низшего класса, ведущая к формированию в соответствующих типах населенных пунктов особой культуры и тиражированию образцов определенных поведенческих практик, и целый ряд других факторов. При этом проведенный анализ свидетельствует о том, что формирование низшего класса в России идет не только на базе бедных, но и на базе малообеспеченных слоев населения, поскольку по ряду качественных особенностей их жизни, прежде всего - динамике ресурсообеспеченности, положение малообеспеченных практически не отличается от ситуации у большинства бедных. И именно поэтому мы сфокусировали свое внимание в данной статье именно на людях, находящихся в зоне формирования низшего класса, а не просто его реальных членах.

Суммируя, можно оценить место и состав низшего класса в стратификационной пирамиде российского общества следующим образом. В самом низу находится формирующийся андеркласс (его численность на данный момент составляет 3 - 4% трудоспособного населения страны). Над ним расположены не входящие пока в андеркласс, но составляющие в перспективе ресурс его расширения остальные представители ядра¹⁰ низшего класса примерно такой же численности. Еще выше находится "верхний" слой низшего класса численностью примерно в 7 - 8% экономически активного населения страны. На этом собственно низший класс заканчивается и начинается его периферия, составляющая зону его возможного расширения и насчитывающая еще порядка 7 - 8% экономически активного населения страны, которые уже в ближайшие годы рискуют пополнить ряды собственно низшего класса.

Все вышесказанное свидетельствует о том, что попытки решать проблему низшего класса в России не методами социально-экономической политики, предполагающими прежде всего изменения в структуре экономики и на рынке труда, а через "адресную помощь беднейшим" не могут сколько-нибудь серьезно повлиять на развитие сформировавшихся негативных тенденций. Особую опасность в числе этих тенденций представляет то, что появление массового низшего класса, в том числе и андеркласса, в крупных городах будет сопровождаться ускоренным формированием на базе многих малых поселений не просто составляющего очень весомую долю низшего класса, но и геттоизацией значительной части "малой России" с распространением в ней характерного для андеркласса типа культуры. Что же касается типа социальной структуры российского общества, которая завершает свое формирование на наших глазах, то она никак не может быть отнесена к структурам обществ позднеиндустриального типа, напоминая скорее США перед Первой мировой войной или Европу перед Второй мировой войной [Brown, 1924; Johnes, 1925; Wyatt, Hecker, 2006; Urquhart, 1984]. А это значит, что и модернизация России, и обеспечение ее конкурентоспособности в глобализирующемся мире потребуют не просто внедрения отдельных инноваций, а коренного изменения и структуры ее экономики, и профессиональной структуры, и социальной структуры в целом. Без такой не просто экономической, но и социальной модернизации наша страна рискует быть отброшена на периферию мирового развития.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Широко распространена в России также точка зрения, что социальная структура российского общества имеет слоевой, а не классовый характер. Так, например, Т. Заславская выделяет в этой структуре четыре основных социальных слоя (верхний, средний, базовый и нижний), а также элитные группы и социальное дно. Сходную точку зрения по этому поводу имеют О. Шкаратан и В. Ильин, а также другие авторы (Т. Малева, В. Радаев, З. Голенкова и т.д.), хотя в реализуемых ими исследованиях они все-таки пользуются понятием "класс".

² Ресурсный подход - новое научное направление, сформировавшееся в последние два-три десятилетия и увязывающее переход к постиндустриальному этапу в развитии общества и изменение оснований для классового анализа. При этом сами представители этого направления позиционируют себя по-разному - как неомарксистов; сторонников соединения неомарксистского и неовебериянского подходов; неовебериянцев и даже как ученых, действующих вне рамок этих классических подходов [Тихонова, 2006].

³ Не углубляясь в предысторию изучения низшего класса, отмечу все же, что ключевые для понимания сущности этого явления понятия "резервная армия труда", "избыточное население" и "люмпен-пролетариат" были введены в научный оборот еще К. Марксом.

⁴ Особенности места этих "лишних людей" в системе производственных отношений глобализирующегося мира прекрасно описаны М. Кастельсом [*Кастельс*, 2000].

⁵ Неработающие пенсионеры, лица, находящиеся в декретном отпуске и т.п. категории были исключены из анализа. Выделенный массив составил 1326 человек.

⁶ К среднему классу отнесены те, кто характеризовался совмещением одновременно таких критериев как: нефизический характер труда; наличие как минимум среднего специального образования; показатели среднемесячных душевых доходов не ниже их медианных значений для данного типа поселения или количество имеющихся товаров длительного пользования не ниже медианного значения по населению в целом; самооценка индивидом своего положения в обществе по десятибалльной шкале не ниже 4 баллов. В составе рабочего класса - те лица физического труда, кто не попал в зону формирования низшего класса. Группа лиц, находящихся на маргинальных позициях, объединила всех остальных россиян из числа экономически активного населения.

⁷ Ряд позиций таблицы укрупнены. Так, например, о возможности сделать на их рабочем месте карьеру говорилось в нескольких вопросах анкеты. То же относится к "интересности" работы, сбережениям и т.п.

⁸ К сожалению, мы не имеем здесь возможности остановиться на особенностях ресурсообеспеченности низшего класса, однако представить себе, в чем именно проявляются ключевые различия ресурсообеспеченности тех или иных классов позволяет таблица 2. Отмечу лишь, что практически половина их не имеет вообще никакого профессионального образования, более чем у трети мать или отец не имели даже полного среднего образования и т.д. и изменить ситуацию с ключевым видом ресурсов - человеческим капиталом - потенциальные представители низшего класса сами не могут (свыше половины их оценивают доступность необходимых им знаний как плохие; в среднем классе - 12%, в рабочем - треть).

⁹ Для выделения собственно низшего класса, а не просто зоны его формирования, были использованы более жесткие критерии. Расчет проводился двумя разными способами. Так, в одном случае добавлялись такие индикаторы сложной ситуации на рынке труда как отсутствие работы в настоящий момент, наличие за последний год периода, когда свыше трех месяцев респондент нигде не учился и не работал или же оценку им вероятности для себя оказаться без работы в ближайший год как высокой. В другой версии оценки его численности использовались специальные индексы доступности эффективной занятости и принадлежности к депривированным слоям населения.

¹⁰ Для выделения собственно низшего класса, а не просто зоны его формирования, были использованы более жесткие критерии. Расчет проводился двумя разными способами. Так, в одном случае добавлялись такие индикаторы сложной ситуации на рынке труда как отсутствие работы в настоящий момент, наличие за последний год периода, когда свыше трех месяцев респондент нигде не учился и не работал или же оценку им вероятности для себя оказаться без работы в ближайший год как высокой. В другой версии оценки его численности использовались специальные индексы доступности эффективной занятости и принадлежности к депривированным слоям населения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гимпельсон В., Капелюшников Р. Нестандартная занятость и российский рынок труда. М.: ГУ-ВШЭ, 2005.

Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. М.: ГУ-ВШЭ, 2000.

Мареева С. В. Формируется ли на базе российских бедных низший класс? // Журнал исследований социальной политики, 2011. N 1.

Российская повседневность в условиях кризиса / Под ред. М. К. Горшкова и Н. Е. Тихоновой. М.: Альфа-М, 2009.

Тихонова Н. Е. Феномен городской бедности в современной России. М.: Летний сад, 2003.

Тихонова Н. Е. Ресурсный подход как новая теоретическая парадигма в стратификационных исследованиях // Социол. исслед. 2006. N 9.

Тихонова Н. Е. Социальная стратификация в современной России: опыт эмпирического анализа. М.: ИС РАН, 2007.

Тихонова Н. Е. Классы в современной России: миф или реальность? / Россия реформирующаяся. М.: Институт социологии РАН, 2008.

Тихонова Н. Е., Мареева С. В. Средний класс: теория и реальность. М.: Альфа-М, 2009.

Тихонова Н. Е. Малообеспеченные в современной России: специфика уровня и образа жизни // Социол. исслед. 2009. N 10.

Тихонова Н. Е. Малообеспеченные в современной России: причины и перспективы // Социол. исслед. 2010. N 1.

стр. 34

Тихонова Н. Е. Низшие классы в России: теоретические и методологические предпосылки анализа // Общественные науки и современность. 2010. N 4.

Тихонова Н. Е. Особенности российского низшего класса // Общественные науки и современность. 2010. N5.

Bourdieu P. Okonomisches Kapital, kulturelles Kapital, soziales Kapital // R. Kreckel (ed.) Soziale Ungleichheiten (Sociale Welt, Sonderheft 2). Goettingen: Otto Schwartz & Co., 1983.

Brown R.M. Occupations in the United States // Scientific Monthly. 1924. Vol. 18.

Coleman R., Rainwater L. Social Standing in America: New Dimensions of Class. New York: Basic Books, 1978.

Gilbert D. The American Class Structure. 6th edition. New York: Wadsworth Publishing, 2002.

Gilbert D., Kahl J. The American Class Structure: A Synthesis. Homewood, Ill, The Dorsey Press, 1982.

Goldthorpe J.H., A. McKnight. The Economic Basis of Social Class // Sociology Working Papers. University of Oxford. 2003.

Johnes M.Z. Trend of Occupation in the Population // Monthly Labor Review. 1925. N 5.

Nathan R.P. Institutional Change and the Challenge of the Underclass /Annals of the American Academy of Political and Social Science. Vol. 501. Pp. 170 - 181.

Sorensen A. Toward a sounder basis for class analysis // The American Journal of Sociology/ 2000. Vol. 105. N6.

Urquhart M. The employment shift to services: where did it come from? // Monthly Labor Review, April 1984.

Wright E.O. Class // Encyclopedia of Social Theory / ed. Ritzer G. Thousand Oaks, CA: Sage, 2005.

Wright E.O. Class Counts: comparative studies in class analysis. Cambridge University Press, 2000.

Wyatt I., Hecker D. Occupational changes during the 20th century // Monthly Labor Review. 2006. March.